

ТЕОРИЯ ЧУВСТВЕННЫХ ДАННЫХ VERSUS АДВЕРБИАЛИЗМ

К.Г. Фролов

В статье рассматриваются две весьма влиятельные, но принципиально различные временные концепции чувственного познания: теория чувственных данных и адвербиализм. В их противостоянии можно увидеть борьбу формирующихся последовательных монистических воззрений с дуалистическим наследием прошлого. Однако оба подхода не лишены существенных недостатков. Теория чувственных данных, пытаясь соответствовать интуитивно очевидным представлениям о структуре познавательных процессов, сталкивается с рядом концептуальных логических возражений. Адвербиализм же, наоборот, базируясь на построении последовательной процессуальной эпистемологии, испытывает большие затруднения в объяснении феноменальной составляющей опыта.

Ключевые слова: восприятие, квалиа, ментальное, монизм, реализм, действительность

Одной из весьма характерных черт той части философии, которая стремится находиться в тесной связи с наукой, еще со второй половины XIX в. было стремление к монизму. В одних случаях это обретало форму крайних физикалистских воззрений [1], в других – форму так называемого «нейтрального», «двухаспектного» монизма [2]. Дуалистические же воззрения на протяжении всего этого времени считались необходимым во что бы то ни стало преодолеть. Однако о том, что это до сих пор не удалось окончательно, свидетельствуют такие видные фигуры современной философии, как Д. Чалмерс и Х. Робинсон. Проблемы «слишком трудны», а «все решения плохи».

Надо признать, что подобного рода дискуссии в силу различного рода причин и обстоятельств не так полно освещены в нашей научной литературе, как они, возможно, того заслуживают. В данной же статье мы попытаемся раскрыть противостояние современных монизма и дуализма на примере двух концепций чувственного восприятия: теории чувственных данных и адвербиализма.

* * *

В отношении познавательных процессов существенным является тот факт, что на первый взгляд они представляются нам интуитивно очевидными и само собой разумеющимися. Однако стоит только задаться целью провести рефлексивный анализ их механизмов, как тут же выясняется, что сделать это не так-то просто. Более того, данные когнитивных наук свидетельствуют о том, что ко многим познавательным процессам мы, оказывается, не имеем доступа со стороны нашего сознания. Например, никакими средствами интроспекции и самонаблюдения мы не сможем проследить механизмы того, как у нас в процессе речи «подбираются» слова, как наш мозг проводит работу по согласованию их грамматических форм и их выстраиванию в правильные конструкции и т.д. Мы просто мыслим, и наши мысли естественным образом облекаются в слова, выражения и умозаключения. То же самое касается и процессов чувственного восприятия действительности: нам кажется, что мы просто видим находящийся перед нами предмет, узнаем его с очевидностью, и все это протекает совершенно естественным, интуитивно ясным для нас образом. Однако когнитивные исследования визуального восприятия показывают, насколько сложным и многогранным является этот процесс, сколь разнообразные виды анализа и интерпретации он в себя включает [3].

Стоит заметить, что далеко не всегда процесс визуального восприятия протекает успешно. Иногда мы поддаемся иллюзиям и «обманам зрения», природа которых заключается либо в несовершенстве и ограниченных возможностях наших органов чувств, либо в ошибках интерпретации, совершаемых в силу тех или иных тенденций усвоенного опыта. Наконец, при определенных обстоятельствах мы можем стать жертвой не иллюзий, а галлюцинаций – явлений, целиком и полностью порожденных деятельностью нашего мозга. Более того, современные исследования позволяют проводить эксперименты, в рамках которых стимуляция определенных зон головного мозга может приводить к совершенно конкретным, заранее предсказанным ощущениям [4].

Отметим, что важной чертой как иллюзий, так и галлюцинаций является то, что их невозможно отличить от фактов привычного зрительного опыта без привлечения концептуального анализа ситуации, сопоставления возможного и невозможного, правдоподобного и неправдоподобного. Нередко даже после того, как человек узнает, что он оказался во власти оптического обмана, он все равно продолжает видеть ситуацию

«неверным образом» и не может перестроить свой аппарат восприятия, даже осознавая причины этой ошибки в интерпретации [5]. С феноменологической точки зрения явления и события при этом выглядят в точности так, как если бы они имели место, что на самом деле не соответствует действительности и опровергается различными опытами. Но игнорировать, элиминировать их существование в феноменальном смысле едва ли представляется возможным: та боль, которую я испытываю, или тот шум, который слышу, вполне могут оказаться фантомными, однако даже самое убедительное доказательство их фантомности не сделает их не существующими для меня. Как минимум, их существование в смысле ментальных ощущений *такое же*, как и существование всех других ментальных образов. Отказать им в реальном существовании в этом смысле – значит отказать в реальном существовании всему тому, что составляет мир человека, что наполняет собой картину его восприятия окружающей действительности. Таким образом, если нечто ощущается/воспринимается, значит, оно должно в каком-то смысле существовать. Как минимум – в смысле этого ощущения/восприятия.

Наконец, надо понимать, что все наши познавательные способности сформировались в ходе длительного процесса эволюции, в основе которой лежит естественный отбор. Как утверждает Г. Фоллмер, «нет ничего особо примечательного в нашей способности делать правильные предсказания о закономерностях нашего мира. Если бы мы этого не могли делать, мы бы здесь не находились, чтобы заметить наши ошибки» [6]. Таким образом, хотя наше восприятие порой и ввергает нас в заблуждения, в подавляющем большинстве случаев оно поставляет нам сведения о том, что действительно имеет место, в противном случае мы бы просто не смогли выжить среди опасностей окружающего мира. Природа же такого рода репрезентаций является сигнально-знаковой. Это означает, что о некотором явлении или событии в окружающей действительности мы узнаем по другому событию, имеющему место в пределах нашего организма (рецептора), по которому мы *заключаем* о внешнем событии. В нормальных условиях внешнее и внутреннее события связаны между собой посредством тех или иных форм физических взаимодействий (например, упругих колебаний молекул воздуха). При этом различные формы восприятия поставляют нам различные сведения. Так, слух способен сообщить нам о том, что не находится в зоне нашей видимости (скандал жильцов в соседней квартире), в то время как зрение, например, среди прочего позволяет нам детально судить о форме предметов окружающего мира, что невозможно сделать при помощи слуха. Когда же данные

различных органов чувств согласуются между собой, это упрочивает нашу уверенность в тех или иных событиях внешнего мира и позволяет устанавливать причинно-следственные связи (хлопок в ладоши является причиной характерного звука).

Описанная выше схема рассуждений является весьма характерной для подхода, именуемого теорией чувственных данных. Центральным тезисом этой теории является уже упоминавшаяся нами мысль: если нечто воспринимается, значит, оно в каком-то смысле (как минимум феноменальном) обязательно должно существовать. В формализованном виде это выглядит следующим образом: «я воспринимаю болевое ощущение» эквивалентно

$(\exists x)(\text{я воспринимаю } x \ \& \ x \text{ есть болевое } \& \ x \text{ есть ощущение})$ [7].

Таким образом, содержанием нашего познания являются не физические, а ментальные объекты – чувственные данные.

В пользу существования такого посредника между познающими субъектами и познаваемыми объектами внешнего мира свидетельствует так называемый аргумент временного лага. Как известно, расстояние от Солнца до Земли свет преодолевает за восемь минут. Поэтому если мы сквозь солнцезащитные очки на мгновение взглянем на Солнце, то мы увидим лишь то, каким оно *было* восемь минут назад. Но таковым оно больше не является. За эти восемь минут оно уже успело измениться, поэтому то, что мы видим – это лишь образ Солнца. Строго говоря, то же самое касается и окружающих нас предметов: между событиями внешнего мира и соответствующими им событиями познания в рамках нашего организма с необходимостью имеет место временной микролаг, поэтому строгий прямой реализм не может быть верным.

Соответственно, в рамках теории чувственных данных имеет место не прямой реализм. Это означает, что мы всегда как бы имеем дело с иллюзией, фантомами, порождениями нашего познавательного аппарата – мозга, но при этом с иллюзией, вроде бы структурно совпадающей с реальностью. Конечно, не прямой реализм оказывается несколько экзотичным: нам следует всегда понимать, что те визуальные объекты, которые мы видим перед собой, находятся не в окружающем нас пространстве, а «живут» в рамках модели, создаваемой и ежесекундно поддерживаемой нашим мозгом. Это своего рода виртуальная реальность, причем слово «реальность» здесь принципиально: такие виртуальные, ментальные объекты «нерастворимы», нередуцируемы и неэлиминируемы.

Их онтологический статус вполне прочен и не подвергается сомнению. Ментальные объекты – такая же часть бытия, как и объекты физические, телесные.

Таким образом, в рамках теории чувственных данных имеет место вполне конкретная структура опыта восприятия: познающий субъект совершает познавательные действия в отношении ментальных объектов – чувственных данных. Х. Робинсон, наиболее заметный сегодня сторонник этого подхода, формулирует свои взгляды так: «Отношение между чувственными данными и полным опытом следует представлять себе как отношение между опытом и двумерной цветной картинкой. И опыт имеет место тогда, когда субъект видит эту картинку как репрезентацию того, что на ней изображено» [8].

Тут надо заметить, что согласно теории чувственных данных эти ментальные объекты обладают всем набором знакомых нам чувственных характеристик: цветом, формой, громкостью и т.д. Однако сами по себе они ничего не говорят о действительности. Это просто данные. Чтобы они стали чем-то большим, необходима их интерпретация, и только тогда они будут свидетельствовать о явлениях внешнего мира.

Но такой подход таит в себе и определенные трудности: остается не вполне понятным, как именно мы *видим* эти чувственные данные. Может статься, что для того чтобы преодолеть барьер между нами и этими данными, нам может понадобиться новый слой чувственных данных, позволяющий *«ощутить»* предыдущие. Ведь всякое ощущение качественно само по себе, а следовательно, также является объектом мира чувственных данных и, в свою очередь, нуждается в отдельном акте собственного восприятия. А всякое новое восприятие снова будет ментальным объектом, нуждающимся в собственном ощущении. И так до бесконечности. Именно это побудило Г. Райла, одного из самых непримиримых противников теории чувственных данных, высказаться следующим образом: «Ощущать – не значит находиться в когнитивном отношении к чувственно воспринимаемому объекту. Таких объектов нет. Как нет и такого отношения. Ложно не только... что ощущения могут быть объектами наблюдений, но также и то, что они сами по себе суть наблюдения объектов» [9].

Однако против понимания ощущения как субъект-объектного действия имеются и другие возражения. В частности, данный подход сталкивается с серьезными трудностями при анализе таких «пограничных феноменов», как ощущение глубины пространства. Для того чтобы оценить тонкость проблемы, рассмотрим в качестве примера живопись фла-

мандского художника XV в. Яна Ван Эйка. Он относится к числу так называемых «наивных реалистов». Его работы настолько реалистичны, что глядя на них, порой совершенно невозможно почувствовать, где именно находится холст. Взгляд как бы «проваливается» и не ощущает поверхность картины. И когда мы смотрим на такую картину, у нас имеется то самое «ощущение глубины». Теперь спрашивается: является ли оно качественным? То есть существует ли такое особое качество – «ощущение глубины»? На первый взгляд ясно, что его природа – исключительно интерпретативная. В том смысле, что «видят глубину» не глаза, а мозг. Картина плоская, и никакой глубины в ней самой, разумеется, нет. Глаза (сетчатка) видят то, что есть на холсте (отражается от него). В результате рождаются некоторые качества цветовых пятен. И уже потом они анализируются и обрабатываются, и понимание глубины (что ближе, а что дальше) рождается как информирование субъекта об отношениях между объектами, как интерпретация, анализ данных, предоставляемых рецепторами (сетчаткой).

Но проблема заключается в том, что у ощущения глубины есть феноменальный аспект. То самое «каково это». Да, оно возникает «по поводу» других качеств. Но, как известно, бывают такие «магические картинки», когда в зависимости от того, как на них посмотреть, можно увидеть изображение либо плоским узором, либо объемным силуэтом. И это, очевидно, не одно и то же. Хотя объект внешнего мира один и тот же, в нашем восприятии могут иметь место *разные* ментальные объекты: обычные линии и пятна или объемные силуэты. Разные в том числе и с точки зрения описания в терминах качества.

А тогда ничто не мешает провозгласить существование качества красивого, которое есть некое *особое* ощущение, очевидно отличное от ощущения некрасивого, а также от всех других ощущений типа холодного, сладкого и др. А затем уже можно говорить и о существовании качества громоздкости, неуклюжести, трогательности, забавности и т.д. У всех этих свойств есть своя феноменология, и они констатируются на уровне чувственного познания, а не выводятся разумом из каких-либо посылок. Таким образом, в рамках теории чувственных данных нет ровно никаких препятствий к тому, чтобы считать, что ментальные объекты могут обладать не только цветом и формой, но также глубиной, привлекательностью и другими аналогичными свойствами.

Однако это приводит нас к дальнейшим затруднениям. Ведь, как известно, на вкус и цвет товарища нет. Скажем, одно и то же блюдо может вызывать у представителей разных культур самые разные впечатления:

от полного отвращения до аппетита и предвкушения прекрасного ужина. Одна и та же музыка в зависимости от вкусов и предпочтений слушающего может восприниматься и как восхитительная, и как невыносимая. Очевидно, это говорит о том, что такого рода характеристики, имеющие свою определенную феноменологию, не присущи самим ментальным объектам. То есть не все, что мы ощущаем по поводу объектов внешнего мира, является эквивалентом по отношению к фактам действительности. Определенные черты мы привносим в свою картину мира лично от себя и на свой вкус. Это еще больше отдаляет нас от прямого реализма и до некоторой степени оправдывает точку зрения, согласно которой для человека, находящегося в депрессии, все окружающие его вещи представляются скучными, унылыми и неинтересными, в то время как человеку, находящемуся на пике счастья, вполне может представляться, что все окружающие его вещи несомненно прекрасны. Но тогда и в отношении не столь крайних случаев можно сказать, что каждый видит мир, окружающие нас вещи и объекты несколько по-своему, в зависимости от своего эмоционального состояния, предпочтений, убеждений, жизненного опыта и т.д. Это то, что называется релятивизмом в теории познания: каждый человек – как бы особая система отсчета.

Посмотрим, что говорит об этом один из классиков ментализма Ч.С. Пирс: «...Квейл-сознание не ограничивается простыми ощущениями. Существует особый квейл (quale) для розового, хотя он является лишь смешением красного и синего. Существует особый квейл для каждой комбинации ощущений. Существует особый квейл для каждого произведения искусства, особый квейл для каждого дня и каждой недели, особый квейл для моего персонального сознания в целом. Я обращаюсь к вашей интроспекции, чтобы вы поддержали меня» [10].

Но ведь то, что человек видит в вещах, – это не только свойства самих объектов, будь то объекты физические или даже ментальные. Это намного больше. Тут и возможности, и опасности, и многие другие характеристики и интерпретации, которые приписывать самим объектам было бы уже в высшей степени абсурдным. Мы постоянно воспринимаем то, чего, строго говоря, нет в окружающем нас мире. И то, как мы это делаем, совершенно ускользает от внимания при анализе теории чувственных данных как ментальных объектов, обладающих конкретным набором собственных свойств.

Однако и на этом проблемы не заканчиваются. Ведь феноменологическим аспектом обладают не только качества, но и чувства. Например, чувство гордости за свою национальную сборную по футболу, выиграв-

шую принципиальный матч. И когда мы ощущаем такое чувство, воспринимая его, мы также имеем дело с чувственными данными. Но на этот раз уже не имеющими ни формы, ни цвета. Разумеется, само по себе это совершенно не обязательно: музыка тоже не имеет ни формы, ни цвета, но это не мешает нам без сомнения относить ее к числу «обычных» чувственных данных. Другое дело, что в данном случае становится крайне затруднительным ответить на вопрос о том, при помощи *какого именно* органа чувств мы ощущаем чувство гордости. Мы делаем это как бы «всем нутром», «всей душой».

То же касается и всех наших желаний и «страстей»: любви, страха, радости, гнева, удивления и проч. При желании феноменологический аспект можно обнаружить и в таких феноменах, как ожидания, верования, убеждения, предпочтения и многие другие. Для каждого случая можно вполне обоснованно по-нагелевски задаваться вопросом «каково это?» и, более того, можно вполне последовательно полагать, что описать, каково это, и тем самым в полной мере *передать* этот феноменологический аспект для человека, никогда ничего подобного не испытывавшего, принципиально невозможно. Например, в рамках протестантской феноменологии религии широко распространено мнение, что переживания религиозного опыта являются принципиально невыразимыми. И никакой закоренелый атеист, от природы лишенный необходимой благодати, никогда не сможет понять, каково это – верить в Бога. Даже если посвятит всю жизнь изучению религии во всех ее внешних аспектах и проявлениях, таких как ритуал, догматика, священные тексты, история религии и т.д. Для постижения этого нужен особый *орган чувств* [11].

Все это, с одной стороны, показывает нам как богат и разнообразен внутренний мир человека, но с другой стороны, указывает нам на то, что даже такой менталистский подход, как теория чувственных данных, является чрезмерно объективирующим. То есть превращающим все в рамках своего анализа в объекты, в том числе и то, что ими не является.

Другой фундаментальной проблемой теории чувственных данных является то, что последняя, будучи в целом концепцией вполне дуалистической, сталкивается с трудноразрешимым вопросом взаимодействия «двух миров». В самом деле, остается так и не проясненным вопрос о том, как физические характеристики объектов внешнего мира (спектр их отражения, температура и др.) оборачиваются качествами объектов ментальных (цвет, теплота)? И другой, не менее сложный вопрос: как мы, имея дело исключительно с ментальными объектами, можем судить об объектах физических, хотя бы даже об их существовании?

Г. Райл рисует в связи с этим следующую ироническую картину: представим себе, что «в камере без окон заключен пленник, живущий в одиночном заточении с самого рождения. Все, что доходит до него из внешнего мира, сводится к бликам света на стенах его темницы и едва слышному сквозь камни постукиванию. Тем не менее, благодаря этим бликам и стукам ему, вероятно, становится известно о невидимых для него футбольных матчах, цветниках и затмениях солнца. Но как же он овладел шифрами, которым подчиняются доходящие до него сигналы, или даже просто выяснил, что существуют такие вещи, как шифры? Каким образом он смог интерпретировать расшифрованные им сообщения, если язык этих сообщений относится к футболу и астрономии, а не к языку проблесков и постукиваний?» [12].

Единственный ответ, который может предложить не прямой реалист – сторонник теории чувственных данных, заключается в том, что эти способности к внутреннему структурному моделированию окружающей среды формировались и развивались у живых организмов на протяжении миллионов лет эволюции. И главным свидетельством структурного соответствия между событиями и объектами внешнего мира и событиями и объектами мира ментального являются наши успехи в практическом освоении окружающей среды. В ходе нашей преобразовательной деятельности мы постоянно сталкиваемся с тем, что объекты, с которыми мы имеем дело, подчиняются своим собственным законам, никак от нас не зависящим, и находятся между собой в определенных отношениях (пространственных, количественных и др.). И тот факт, что наши моделирование и обобщение этих законов и отношений позволяют нам более эффективно организовывать нашу практическую деятельность и, более того, дают нам возможность прогнозировать последствия тех или иных наших действий, свидетельствует в пользу того, что приписывание этих законов и отношений объективно существующим объектам внешнего мира является наиболее простым и убедительным объяснением происходящего.

* * *

Другой эпистемологической стратегией, во многом отличной от предыдущей, является адвербиализм (от англ. *adverb* – наречие) [13]. Основным мотивом построения этой концепции было стремление преодолеть дуализм теории чувственных данных и сформулировать монистический взгляд на проблему. Одним из главных препятствий на этом

пути было то, что когда мы оказываемся во власти иллюзий или оптических обманов, мы вполне можем видеть объекты, не существующие во внешнем мире. Соответственно, наша задача – как бы «растворить» эти объекты, переинтерпретировать их в качестве характеристик определенных процессов. Для этого одно и то же явление можно описывать как в словесной форме, указывающей на некий псевдообъект, так и в форме характеристик действий и процессов. Продемонстрируем это на примерах.

Возьмем предложения «*N* исполнил великолепный танец» и «*N* издал оглушительный крик». Оба их можно сформулировать несколько иначе: «*N* великолепно танцевал» и «*N* оглушительно закричал». Очевидно при этом, что танец в первом случае является не чем иным, как определенным набором действий, движений. Крик также является действием, поэтому предложение «*N* издал оглушительный крик» принципиально отличается от предложения «*N* издал газету». Второй случай указывает на предмет, а первый – нет. И никакими усилиями нельзя добиться исчезновения, «растворения» предмета там, где он есть, где он оказывается неотъемлемым компонентом того или иного события или явления.

Таким образом, в тех случаях, когда мы не можем переформулировать предложение, устранив предмет и заменив его характеристичными действиями, мы имеем дело с реальными объектами внешнего мира. В тех же случаях, когда такие преобразования возможны, мы имеем дело не с объектами, а с мысленными конструктами.

Теперь перейдем к качественным примерам. Высказывание «*N* почувствовал тонкий и изысканный аромат цветка» вполне можно сформулировать иначе: «*N* почувствовал, что цветок пахнет тонко и изысканно». ««Горячая», – почувствовал *N*, опустив руку в наполненную водой ванну» эквивалентно ««Горячо», – почувствовал *N*, опустив руку в наполненную водой ванну». ««Какой вкусный (сладкий)!», – сказал *N*, попробовав торт» идентично ««Как вкусно (сладко)!», – сказал *N*, попробовав торт». Наконец, для одного из примеров описание в терминах наречий даже более привычно и уместно, чем в терминах прилагательных: ««Этот удар по носу был для меня болезненным», – сказал *N*», эквивалентно ««Когда меня ударили по носу, мне было больно», – сказал *N*».

Можно было бы подумать, как это делает Дж. Корнман, что «простая разработка грамматических преобразований не может решить проблему» [14]. Но если присмотреться более внимательно, окажется, что высказывания, сформулированные с использованием наречий, уже не могут быть отнесены к тем ментальным объектам, с которыми мы имели

дело в рамках теории чувственных данных. Наречия вообще не могут относиться к существительным, а относятся только к глаголам [15]. Поэтому такие наречия, как «горячо» или «громко», характеризуют не ментальные объекты, а их восприятие, т.е. наши перцептивные и познавательные процессы. Именно это утверждает один из ведущих теоретиков адвербиализма М. Тай: «...Нет никаких чувственных объектов, необходимых для ощущения, есть лишь люди (persons), которые ощущают определенным образом» [16].

Правда, стоит отметить, что и здесь наш язык нередко «обманывает» нас, приписывая определенные характеристики не нашим познавательным процессам, а псевдодействиям окружающих нас предметов. Так, наш язык уверяет нас, что это именно сам цветок *пахнет*, скрипка *звучит*, а звезда *сияет*.

Выше, приводя различные примеры эквивалентности высказываний, мы ничего не упомянули о визуальном опыте. Это связано с некоторой его особенностью, которая, впрочем, совершенно не отменяет сам принцип подхода. Речь идет о том, что, как правило, в поле нашего зрения одновременно присутствуют объекты, обладающие отличными друг от друга характеристиками, – объекты разных цветов, форм и размеров. Поэтому общий визуальный опыт не получается охарактеризовать каким-то одним словом. И даже когда такое можно сделать, это звучит для нас несколько странно и непривычно. Например: «“Красный”, – почувствовал *N*, когда ему в лицо ударил свет красного прожектора». Этот опыт вполне можно было бы охарактеризовать словом «красно».

Таким образом, собственно природа визуального опыта ничем принципиально не отличается от природы ощущения вкуса, тепла или боли, за исключением некоторой специфики, связанной с разнообразием параллельно поступающих и обрабатываемых сигналов.

Отсутствие объектов-посредников и операций с ними приводит к одному из основных достоинств адвербиализма – отсутствию того регресса в бесконечность, который мы видели в теории чувственных данных. Если уж мы имеем познавательный процесс, характеризующийся как «горячо», то никакого повторного «прочувствования» этого процесса другим процессом не требуется. Этот повторный в крайнем случае был бы по всем своим характеристикам тем же самым, что и первый, а потому был бы недискриминируемым. Следовательно, его включение в рассмотрение совершенно избыточно.

Перейдем теперь к тем трудностям, с которыми сталкивается адвербиалистский подход. Представим себе, что мы слушаем «Фантазию для

скрипки и фортепиано» C-dur (op. 159) немецкого композитора-романтика Франца Шуберта. Скрипач, будучи солистом, играет полнозвучно, как бы на первом плане. Пианист же, несмотря на куда более впечатляющие возможности своего инструмента, играет заметно тише, как бы на фоне. Итак, в каждый момент времени мы слышим два звука: один звучит «скрипично» и громко, другой – «фортепианно» и тихо. Если мы попытаемся это наше ощущение объединить в единое целое, в единый звук, то получится, что то, что мы слышим, звучит одновременно и «скрипично», и «фортепианно», и громко, и тихо. Очевидно, мы имеем противоречие.

Таким образом, ясно, что различные чувственные впечатления могут как бы *наслаиваться* друг на друга, не теряя при этом некоторой собственной обособленности, различимости. Ведь партии двух инструментов в нашем примере различаются не только громкостью и тембром, но прежде всего собственно содержанием, нотами, а как следствие, и степенью виртуозности, эмоциональной выразительности и т.д. При этом не секрет, что для того чтобы охарактеризовать исполнение сонаты в целом и наш опыт ее восприятия, может понадобиться множество различных эпитетов, каждый из которых в одинаковой степени будет важным, информативным и содержательным. К тому же не все эпитеты могут прийти нам в голову, и тогда описание нашего опыта так и останется неполным (а оно таковым, разумеется, останется в любом случае, даже если мы напишем целую книгу об одном лишь концерте). Следовательно, «адвербиалист никогда не сможет завершить даже один свой анализ» [17].

Возвращаясь к вопросу о сочетании различных звуков (мелодий, партий) в единое целое (музыку), следует признать, что этому факту отвечают процессы, происходящие во внешнем мире: суперпозиция упругих волн различной частоты, амплитуды и проч. Однако в физическом мире имеют место простое наложение, суммирование характеристик, в то время как в феноменальном мире человека эти сочетания могут приводить к самым различным *дополнительным* эффектам: приятному мелодичному сочетанию звуков, образующих терцию, или резкому, некомфортному диссонансу септимы.

Так, например, известный британский кулинар Х. Блюменталь в 2005 г. в рамках своих исследований по молекулярной гастрономии открыл особую изысканную сочетаемость черной икры и белого шоколада. Конечно, здесь в основе явления оказался факт «насыщенности» обоих продуктов аминами: белками, которые уже прошли состояние

аминокислот, но еще не превратились в аммиак» [18]. Однако применение в данном случае аргумента знания Ф. Джексона позволяет утверждать, что никакие исследования ни в области биохимии, ни в области нейрофизиологии, никакие акты воображения или интроспекции не помогут нам представить себе вкус данного блюда (*каково* это). Единственный возможный путь – это попробовать. То есть «квалиа остаются вне физического описания» [19], и механизмы их сочетания и взаимодействия доступны для нас пока лишь на уровне весьма ограниченного апостериорного вербального описания.

Более того, адвербиалист, отказываясь признавать существование неких ментальных объектов, обладающих полным набором качественных качеств, и утверждая вместо этого о существовании лишь процессов определенного рода, сталкивается с трудноразрешимой проблемой объяснения того, почему эти процессы сопровождаются именно той или иной феноменологией. Так, для теоретика чувственных данных звук гитарной струны являет собой изначальную данность – познаваемый ментальный объект (правда, тот факт, что сам механизм познания, «слушания» звука остается в рамках той теории не вполне проясненным, мы выше уже отмечали; оно происходит как бы «непосредственно»). Но с этой точки зрения по крайней мере квалиа звука гитарной струны обладает сам звук, и эта принадлежность такого же рода, как то, что мяч обладает сферической формой. Это как бы «собственное» свойство ментального объекта.

Адвербиалист же, со своей стороны, обязан объяснить, что именно связывает процесс восприятия звука гитарной струны с феноменологией этого явления. То есть ответить на вопрос, что же такого «гитарного» в тех или иных колебаниях барабанной перепонки и почему такого рода колебания воспринимаются именно так, а не иначе. Или, если мы используем другой пример, он должен ответить на возражение Д. Чалмерса о том, что «ничто в нейрофизиологии не требует, чтобы некоторый тип переработки информации сопровождался именно красным ощущением, а не голубым» [20] (см. гипотезу инвертированного спектра [21]). На сегодняшний день сделать такой вывод феноменологии из физиологии не представляется возможным. Все, что пока нам может предложить наука, – это лишь корреляции, экспериментальные соответствия, обобщения между характером познавательных процессов и сопровождающей их феноменологии. О том, почему этот барьер, на наш взгляд, носит фундаментальный характер, мы уже рассказывали в одной из наших предыдущих публикаций [22] и здесь не будем повторяться.

* * *

Конечно, уже одного того факта, что теория чувственных данных сталкивается с проблемой регресса в бесконечность, а адвербиализм – нет, должно быть достаточно, чтобы предпочесть второй подход первому. И в этом отношении стремление к преодолению дуалистических взглядов представляется по-прежнему актуальным. Однако такое продвижение не может и не должно приобретать форму радикального редукционизма, пытающегося элиминировать, а порой и просто игнорирующего факты, которые указывают на специфику феноменальной составляющей опыта восприятия. Эти факты не следует замалчивать или «оставлять на потом» в надежде, что они со временем сами собой «растворятся» или «объяснятся». Наоборот, ясно сформулированные отношения между качественным аспектом восприятия и содержательным, между феноменологией и эпистемологией должны находиться в самом фундаменте всякой теории восприятия, претендующей на полноту. Пока что это еще вопрос отдаленного будущего.

Примечания

1. Наиболее полное выражение подобных взглядов можно найти у Д. Армстронга. См.: *Armstrong D.M. A Materialist Theory of the Mind.* – L., 1968.
2. Классическая работа подобного рода – это «Анализ сознания» Б. Рассела. См.: *Russell B. The Analysis of Mind.* – L., 1921.
3. См.: *Mausfeld R., Heyer D. Color Perception: Mind and the Physical World.* – Oxford University Press, USA, 2004.
4. Одним из пионеров в такого рода экспериментах был выдающийся канадский нейрофизиолог У. Пенфилд. См.: *Penfield W. The Mystery of Mind.* – New Jersey: Princeton University Press, 1975.
5. Из великого множества примеров подобного рода вспомним так называемый фи-феномен (иллюзия непрерывного движения предмета при восприятии серии неподвижных изображений схожей формы), подробно описанный и изученный М. Вертгеймером (см.: *Вертгеймер М. Продуктивное мышление.* – М., 1987), и особенно отметим его цветовую модификацию у П. Колера, в рамках которой цвет предмета менялся в восприятии субъекта «посреди» иллюзорного движения от одного изображения к другому (см.: *Kolers P. Aspects of Motion Perception.* – Pergamon Press, 1972).
6. *Фоллмер Г. Эволюционная эпистемология.* – М., 1998. – С. 146.
7. См.: *Jackson F. The existence of mental objects* // *American Philosophical Quarterly.* – 1976. – V. 13. – P. 35.
8. *Robinson H. Perception.* – L., 1994. – P. 188.
9. *Райл Г. Понятие сознания.* – М., 1999. – С. 141.
10. *Peirce C.S. Scientific Metaphysics. § 2: Quale-consciousness* // *Peirce C.S. Collected Papers.* – Harvard University Press, 1958. – V. 6. – P. 223.
11. См.: *Ommo P. Священное.* – М., 2008; *Wach J. Understanding and Believing: Essays.* – N.Y., 1968. Также приведем здесь характерную цитату из совсем иного дискурса: «Самым

драгоценным и могучим религиозным актом является сердечное созерцание. И вот, когда духовная любовь овладевает человеческим воображением, чтобы прожечь и очистить его, чтобы сообщить ему прочное укоренение и достойный предмет, тогда человек приобретает дар сердечного созерцания – новый акт, дивный орган восприятия и опыта, подьемлющий и открывающий душу. Этот орган, если его укрепить и ввести в жизнь, открывает нам новые религиозные и культурные пути. Человек, обладающий им, вступает в мир, чтобы духовно вчувствоваться в него и сочетать при этом всю объективность предметного созерцания со всей силой личного самовложения. От этого акт его восприятия усиливается и становится вдохновенным. Он получает способность к художественному отождествлению с созерцаемым предметом, и, так как этим предметом его в пределах религиозного опыта является само божественное совершенство, то он начинает видеть Его по-новому и воспринимать Его с великим приближением и с великой уверенностью» (*Ильин И.А.* Аксиомы религиозного опыта. – М., 1993. – Т. 1. – С. 114).

12. *Райл Г.* Понятие сознания. – С. 156.
13. Термин «adverbialism» позаимствован нами у У. Фиша (см.: *Fish W.* Philosophy of Perception. – N.Y., 2009. – P. 33–48). Русская транскрипция осуществлена самостоятельно.
14. *Cornman J.* On direct perception // Review of Metaphysics. – 1972. – V. 26. – P. 44.
15. Кроме глаголов наречия могут относиться также и к прилагательным (см.: *Русская грамматика.* – М.: Наука, 1980. – Т. 1. – § 1645. – С. 703), но это в данном контексте не столь существенно.
16. *Tye M.* The adverbial approach to visual experience // The Philosophical Review. – 1984. – V. 93. – P. 201.
17. *Jackson F.* The existence of mental objects. – P. 38.
18. *Блюменталь Х.* Наука кулинарии, или Молекулярная гастрономия. – М., 2007. – С. 29.
19. *Jackson F.* Epiphenomenal qualia // The Philosophical Quarterly. – 1982. – V. 32, No.127. – P. 130.
20. *Chalmers D.* The Conscious Mind. – Oxford University Press, 1996. – P. 100.
21. См.: *Иванов Д.В.* Функционализм и инверсия спектра // Эпистемология и философия науки. – 2011. – № 3. – С. 82–98.
22. См.: *Фролов К.Г.* Аналитика эмерджентности в контексте проблемы сознания // Философия науки. – 2012. – № 3. – С. 105–116.

Дата поступления 31.10.2012

Санкт-Петербургский государственный
университет, г. Санкт-Петербург
konstantin-frolov@yandex.ru

***Frolov, K.G.* The sense data theory vs. adverbialism**

The paper considers two quite authoritative but essentially different modern conceptions of perception cognition, these are the sense data theory and adverbialism. Their confrontation reflects the struggle between emerging consistent monistic views and the dualistic heritage of the past. However, both approaches are not without severe drawbacks. The sense data theory trying to conform to intuitively evident ideas of the structure of cognition processes faces a number of conceptual logical objections. Whereas, adverbialism basing on the contrary on building a consistent procedural epistemology has a great difficulty with the task to explain the phenomenal component of experience.

Keywords: perception, qualia, mental, monism, realism, reality.